

ПРИРОДА НАУЧНОЙ МЫСЛИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

3. Теоретическая цѣнность естественно-научныхъ положеній.

Послѣ предварительныхъ различеній, сдѣланныхъ въ предыдущей статьѣ, мы можемъ наконецъ сосредоточиться на вопросѣ: какую же теоретическую цѣнность имѣютъ научныя положенія сами по себѣ? Другими словами, разъ законѣрная переработка наукъ въ научную философію невозможна, и подъ объективно-теоретическимъ содержаніемъ науки мы можемъ разумѣть лишь *тезисы отдѣльныхъ наукъ въ сыромъ и частномъ видѣ*—то какой же объективный смыслъ, какую степень универсальной значимости мы можемъ приписать этимъ частнымъ тезисамъ? Поскольку отдѣльныя науки въ своихъ утвержденіяхъ проникаютъ въ глубь вселенскаго бытія и характеризуютъ подлинную и сокровенную дѣйствительность міра? Какой характеръ носятъ различные виды научныхъ знаній—онтологическій, или только феноменологическій?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно сдѣлать новое различеніе: тезисы отдѣльныхъ наукъ, очищенные отъ паразитическихъ наростовъ такъ наз. „научныхъ“ философовъ, т.-е. взятые въ сыромъ и частномъ видѣ непосредственно данной научной реальности,—не представляютъ изъ себя явленія сколько-нибудь однороднаго. Можно констатировать родство между тѣми или иными частными группами тезисовъ въ смежныхъ наукахъ: но принципъ этого родства не можетъ

¹⁾ См. „Б. В.“ 1914 г., январь.

быть распространенъ на всѣ группы, такъ чтобъ *все* содержаніе одной науки было логически спаяно со *всеми* содержаніемъ другой смежной науки,—а тѣмъ болѣе [не можетъ захватить даже единичные тезисы науки не-смежной и отдаленной. Тезисы отдѣльныхъ наукъ представляютъ изъ себя явленіе въ высшей степени разнородное, причемъ характеръ неоднородности настолько великъ, что напр. тезисы филологіи объ особенностяхъ эолийскаго нарѣчія не могутъ быть поставлены абсолютно ни въ какую связь съ тезисами геометріи о свойствахъ сторонъ вписаннаго десятиугольника. Тезисы отдѣльныхъ наукъ съ точки зрѣнія идеи логической объединенности носятъ характеръ *прерывный*: отъ однихъ къ другимъ нѣтъ логическаго моста. Было бы чрезвычайно интересно и важно точно изслѣдовать характеръ этой прерывности и установить принципы своеобразія и не сводимости *каждой* группы наукъ. Но для той цѣли, которую мы себѣ ставимъ, достаточно взять разнородность наукъ въ самомъ общемъ и основномъ видѣ, именно какъ различіе *наукъ о природѣ* и *наукъ о духѣ*. Если въ этихъ основныхъ двухъ группахъ при болѣе детальномъ изслѣдованіи можно было бы сдѣлать подраздѣленія, то во всякомъ случаѣ *между собою* эти группы различаются самымъ *фундаментальнымъ и кореннымъ* образомъ, такъ что характеръ этого различія должевъ отразиться и на всѣхъ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ.

Въ наукахъ о природѣ, которыми мы займемся въ этой главѣ (науки же о духѣ мы подвергнемъ анализу ниже), несмотря на всѣ различія, существующія внутри этой группы дисциплинъ и несмотря на несводимость одной изъ нихъ на другую, напр. химіи на физику,—мы можемъ констатировать нѣчто *общее*, относящееся не къ специфическому содержанію каждой изъ естественныхъ наукъ, а къ формально-логическому аппарату, и къ познавательнымъ средствамъ, которыми оперируютъ одинаково всѣ естественныя науки. Это общее можно выразить въ двухъ словахъ: *наблюденіе* и *экспериментъ*.

Наблюденіе лежащее въ основѣ всякаго естественно-научнаго знанія, осуществляется при посредствѣ *органовъ чувствъ*. Послѣдніе есть абсолютное *conditio sine qua non*. Микроскопъ, телескопъ, тончайшіе измѣрительные приборы, доведенные до

максимальной степени технического совершенства, не имѣютъ *никакого* значенія безъ наличности органовъ чувствъ. Зрѣнiе, слухъ, осязанiе суть вѣчные и абсолютно неустранимые спутники естественно-научнаго опыта, который ни въ одномъ моментѣ своемъ не можетъ безъ нихъ обойтись. Можно вносить поправки путемъ сложной системы взаимной повѣрки въ показанiя органовъ чувствъ, но безъ нихъ совсѣмъ—обойтись невозможно, и наблюденiя трупа, окруженнаго самыми усовершенствованными научными приборами, равны абсолютному нулю, въ то время какъ „наблюденiя“ какой-нибудь амебы подъ условiями окружающей ее среды—есть все же величина положительная. Естественно-научный опытъ во всемъ своемъ размѣрѣ представляетъ изъ себя систематизированные и необычайно расширенные зрѣнiе, слухъ и осязанiе. Когда въ солнечномъ спектрѣ замѣтили линiю, не соответствующую ни одному изъ извѣстныхъ элементовъ, то это воспрiятiе глаза было истолковано, какъ присутствiе въ солнечной массѣ неизвѣстнаго элемента *гелия*. Это заключенiе означало: видимая (глазомъ) линiя въ спектрѣ говоритъ о комплексѣ *возможныхъ* ощущенiй (зрительныхъ и осязательныхъ) отъ элемента, который находится на солнцѣ. Когда Рамсей замѣтилъ ту же линiю въ спектрѣ минеральныхъ паровъ и путемъ сложныхъ отдѣлительныхъ работъ получилъ *гелий*, то новый элементъ сталъ объектомъ *дѣйствительныхъ* ощущенiй. Эта дѣйствительность ощущенiя въ большей части естественно-научнаго опыта не можетъ быть реализована: напр. лунныя горы никогда не станутъ объектомъ нашего осязанiя—и тѣмъ не менѣе объ нихъ мы узнаемъ не только при посредствѣ *глаза*, т. е. *одного* изъ органовъ чувствъ, но и все, что мы знаемъ о нихъ—есть комплексы *возможныхъ* ощущенiй, и въ терминовъ нашей чувственности, взятой въ ея потенциальности, ничего о горахъ на лунѣ и вообще обо всемъ небѣ въ его неизмѣримости, сказать естественныя науки не могутъ. Такимъ образомъ, весь естественно-научный опытъ *есть методически усложненная и дифференциальная наша чувственность*, но такъ какъ наши реальные органы чувствъ отнюдь не способны на такое количественное расширенiе in actu, то усложненiе это въ большинствѣ случаевъ носитъ характеръ *чистой потенциальности*. Это относится и къ законамъ природы, ибо всѣ законы

опытного происхожденія. Они невыводимы априорно изъ дн-стныхъ принциповъ разума и напр. такой универсальный законъ, какъ *lex gravitationis*, есть ничто иное, какъ наиболѣе общій, т. е. наиболѣе повторяемый и потому пребывающій *фактъ*. Но обо всѣхъ фактахъ мы узнаемъ чрезъ опытъ, т. е. при посредствѣ *органовъ чувствъ*, и такимъ образомъ и законы природы въ своей невыводимой фактичности обусловлены нашей чувственностью. Эта потенціальность можетъ быть второго и третьяго порядка, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда фізіологическая оптика говоритъ о свѣтѣ, какъ о колебательномъ движеніи ээира. Вѣдь и понятіе ээира (такъ же, какъ и понятія энергіи, силы, молекулы, электрона и т. п.) чувственно, а не сверхчувственно, и хотя ээиръ не можетъ стать объектомъ ни одного изъ нашихъ реальныхъ органовъ чувствъ, тѣмъ не менѣе онъ потенціально чувствененъ, воображаемо сенсибиленъ, а отнюдь не интеллигибеленъ.

Но если въ безусловно неустранимой основѣ естественно-научнаго опыта лежитъ наша чувственность или въ актуальномъ видѣ, или въ потенціальномъ, то возникаетъ вопросъ, насколько естественныя науки сознаютъ гносеологическую значительность этого въ высшей степени знаменательнаго факта? Естественныя науки, какъ таковыя, совершенно обходятъ этотъ вопросъ. Рѣшеніе его не входитъ въ компетенцію ни одной изъ нихъ. Естественныя науки пользуются органами чувствъ какъ орудіемъ познанія съ совершенной наивностью и *фатально*. Когда съ ростомъ критическаго самосознанія естествоиспытатели начинаютъ сомнѣваться въ правомѣрности наивнаго реализма (Гельмгольцъ, Махъ, Фаминцынъ и др.), то этимъ самымъ они для себя самихъ обнаруживаютъ ту спорность самой основы естествознанія, которая въ существѣ была ясна уже Платону, и, несмотря на обнаруженную спорность, не могутъ отказаться отъ оперирования органами чувствъ, потому что *инко* пути для наукъ о природѣ, въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ новое время,—*нѣтъ*. Основа становится сложной, но внѣ этой основы науки о природѣ невозможны.

Вопросъ, только что поставленный, можетъ быть расчлененъ на два самостоятельныхъ вопроса:

1. Такъ какъ чувственность потенціальная есть лишь схе-

матическое продолженіе чувственности актуальной, т. е. во-ображаемое функционированіе тѣхъ реальныхъ органовъ чувствъ, которыми обладаетъ человѣчество, то значитъ въ основѣ всего естественно-научнаго опыта лежать показанія нашихъ органовъ чувствъ и познавательной силой послѣднихъ обусловлена безусловно вся совокупность естественно-научнаго знанія. Спрашивается, насколько же способны органы нашихъ чувствъ быть орудіемъ адекватнаго и объективнаго познанія міровой совокупности? Другими словами, насколько данныя нашей чувственности отпечатлѣваютъ сущность вещей? Въ состояніи ли они выходить изъ области чистой субъективности, и потому иллюзорности, и проникать въ глубь вселенскаго бытія?

2. Помимо этого вопроса въ достаточной мѣрѣ уже осознаннаго, есть еще второй кардинальный вопросъ, совершенно не осознанный. Допустимъ, что какая-нибудь положительная теорія знанія смогла бы разрѣшить первый вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ (при отрицательномъ разрѣшеніи естествознаніе теряетъ всякую теоретическую цѣнность и становится простымъ практическимъ введеніемъ въ технологию и индустрію). Допустимъ, что была бы признана способность за человѣческой чувственностью быть орудіемъ дѣйствительнаго познанія. Тогда возникаетъ новый вопросъ: при той фактической ошибочности нашихъ чувствъ, которую знали уже древніе, и при возникающей отсюда необходимости усовершенствовать и потенцировать ихъ познавательную силу—въ какомъ направленіи, и съ какими средствами можно произвести это усовершенствованіе? Естествознаніе рѣшаетъ этотъ вопросъ совершенно опредѣленно и догматически: оно отвѣчаетъ: въ направленіи *количественнаго расширенія и средствами технико-механическими*: Такъ напр. зрѣніе усовершеншается микроскопомъ и телескопомъ, взвѣшиваніе рукой или чувство времени—различными измѣрительными приборами. Всякое *качественное углубленіе*, и средствами *органически-духовными*, естествознаніемъ совершенно и безызъятно устраняется. Но спрашивается, *на какомъ основаніи*? Глазъ религіознаго созерцателя, *видящій* въ звѣздной славіи ночнаго неба *отблески Софіи Премудрости Божіей*, можетъ заглянуть въ самую глубь космической жизни, въ то время какъ телескопическое разглядываніе небесныхъ тѣлъ можетъ быть со-

вершено *периферично* съ познавательной точки зрѣнія. Точно также, самое точные измѣрительные приборы, замѣняющіе мускульное чувство руки, могутъ сообщить лишь самые *внѣшнія* и не характерныя свѣдѣнія о строеніи міра, въ то время какъ рука скульптора, вооруженная одною лишь художественною чуткостью, можетъ нащупывать въ обликѣ вещей—метафизическія глубины бытія. Извѣстно, что для Гиберти, для того чтобы ухватить все совершенство античной статуи, увидѣнной имъ въ Падуѣ.—мало было видѣть ее глазами и ему нужно было ощупать ее пальцами ¹⁾, и только эти любовныя, чуткія прикосновенія вполне передали ему все внутреннее совершенство скульптурнаго чуда, о которомъ ему ничего бы не сказали никакія научныя измѣренія. Но почему же у міра не можетъ быть *внутренняго и цѣлостнаго облика*, доступнаго чуткому и любовному, *качественному* напряженію нашихъ тѣлесныхъ органовъ чувствъ—и совершенно неухватываемаго и не могущаго быть ухваченнымъ внѣшнимъ, насильственнымъ, количественнымъ ихъ расширеніемъ? Этотъ вопросъ, совершенно обходимый естествознаніемъ, можно сформулировать еще такъ: технико-механическія средства, которыми естествознаніе вооружаетъ наши органы чувствъ, вмѣсто совершенствованія, не *искажаютъ* ли ихъ? Если вообще возможна интенсификація ощущеній и увеличиваніе ихъ познавательной силы, то въ какомъ направленіи это возможно, въ качественномъ или количественномъ, и что находится въ истинномъ соотвѣтствіи съ *природой* органовъ чувствъ—естественное повышеніе ихъ качества средствами органически-внутренними или же искусственное увеличеніе ихъ „количества“ средствами механически-внѣшними? Если къ уху мы приставимъ телескопъ—то несомнѣнно мы не только не усовершенствуемъ такимъ страннымъ способомъ нашего слуха, но больше того: *сдѣлаемъ ухо, заставленное телескопомъ, не чуткимъ на звуки, прекрасно слышимые обыкновеннымъ ухомъ*. Спрашивается, *если* количественное расширеніе не лежитъ въ метафизиче-

¹⁾ „*la moltissime dolcezze le quali el viso non le comprende nè con forte luce nè con temperata, Solo la mano a toccarlo le trova*“. См. *Fragmenti del terzo commentario* въ началѣ перваго тома *Le vite* Вазари. Firenze. Lemouner. 1848.

ской природѣ органовъ чувствъ, то не превратятся ли всѣ техническо-механическія средства естествознанія въ такой телескопъ, приставленный къ уху или ко рту? И та несомнѣнная атрофія качественной стороны ихъ ощущеній, которая исторически связана съ количественнымъ расширеніемъ, не обнаружитъ ли во всѣхъ естественно-научныхъ „вооруженіяхъ“ нашихъ чувствъ скорѣе препятствіе и задержку, чѣмъ помощь и облегченіе?

Эти вопросы, по существу отвѣтить на которые мы попытаемся въ другомъ мѣстѣ, вскрываютъ совершенную догматичность естествознанія. На нихъ оно даетъ свой отвѣтъ, совершенно не подозревая о возможности опыта *диаметрально противоположнаго*. Вѣдь если мы отвѣтимъ на поставленный вопросъ: „Да!“—познавательная цѣнность естественныхъ наукъ падаетъ со 100 на 1. Тогда въ міровоззрѣніе оно можетъ вносить лишь нѣсколько дополнительныхъ черточекъ, не имѣющихъ существеннаго характера, и совершенно должно оставить притязаніе быть основой его. Но обходя столь кординальные вопросы, по существу ихъ не рѣшая и не будучи въ состояніи ихъ рѣшить, естествознаніе тѣмъ самымъ базируетъ себя на чрезвычайно зыбкой и спорной почвѣ. Это даетъ намъ право понятіе „доксы“ распространить и на тезисы естествознанія въ сыромъ видѣ. *Къ области мнѣнія, а не истины, относятся не только естественно-научныя философомы, но и естественныя науки, какъ таковыя.* Съ точки зрѣнія этого положенія идея „научной философіи“ должна представиться еще болѣе смѣшной, ибо она можетъ быть лишь *мнѣніемъ о мнѣніи, доксою второй степени.*

Доксическій характеръ естествознанія, только увеличится, если мы перейдемъ отъ *наблюденія* къ анализу второго „рита“, на которомъ стоятъ естественныя науки,—*эксперимента*. Въ экспериментѣ нужно различить двѣ составныхъ части, изъ которыхъ онъ складывается: это, во-первыхъ, оперированіе тѣми же самыми органами чувствъ, которыми оперируетъ и наблюденіе,—элементъ безусловно общій съ наблюденіемъ и потому раздѣляющій всю теоретико-познавательную зыбкость послѣдняго;—и, во вторыхъ, логико-методологическій аппаратъ интенсифицирующій наблюденіе и составляющій формальную душу и сущность эксперимента. Чтобы подвергнуть критическому анализу понятіе эксперимента, намъ послѣ критики

наблюденія, только что данной, вполне достаточно сказать о логико-методологической сторонѣ эксперимента. Со времени Бекона объ экспериментѣ не безъ картинности говорятъ, что это вопросъ задаваемый естествоиспытателемъ природѣ, при чемъ, какъ на судебномъ и *принудительномъ* допросѣ, природа не можетъ *отмалчиваться*. Она должна отвѣчать, разъ съ ней разговариваютъ такіе важные господа, какъ естествоиспытатели, и волей-неволей раскрывать свои *секреты*, которые сейчасъ же вносятся этими господами въ научные „протоколы“, а затѣмъ черезъ небольшой промежутокъ времени передаются для пракческаго употребленія „техникамъ“, которые идутъ цѣлыми толпами за „безкорыстными“ допрашивателями природы и, быстро найдя примѣненіе новымъ „отвѣтамъ“, увеличиваютъ все растущую *власть человека надъ природой*. Гордая мечта магин, въ своеобразномъ видѣ черезъ Бекона вошедшая въ естествознаніе, и теперь, благодаря связи послѣдняго съ техникой совершенно отъ него неотдѣлимая,—мечта сдѣлать эмпирическаго человѣка господиномъ и распорядителемъ таинственныхъ силъ природы, повидимому исполняется самымъ блестящимъ образомъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Такъ ли „благополучно“ положеніе цивилизованнаго человѣчества и до такой ли степени безвыходно положеніе допрашиваемой природы? Задать эти вопросы—это значитъ спросить: безупречны ли въ *логическомъ* отношеніи методы экспериментальнаго изслѣдованія природы? Ибо вѣдь только *абсолютная* ихъ безупречность въ логическомъ отношеніи могла бы по настоящему обезпечить достовѣрность и обоснованность получаемыхъ результатовъ. Итакъ безупреченъ ли естественно-научный экспериментъ?

Экспериментъ не представляетъ изъ себя явленія замкнутого и логически-самодовлѣющаго. Наоборотъ, онъ только *моментъ* въ болѣе крупномъ и весьма сложномъ процессѣ научной *ихъ индукціи*. Вся логическая мощь эксперимента заключается въ томъ, что экспериментъ есть *остріе индукціи*. Но этимъ самымъ экспериментъ ставится въ обратную зависимость отъ индукціи. Если экспериментъ—остріе индукціи, то индукція есть *основаніе* эксперимента, и вся точность и мѣткость, съ которою остріе эксперимента вонзается въ сущую природу вещей, обуславливается точностью и незыбле-

мостью основанія, при чемъ малѣйшая ошибка, допущенная въ основаніи, не просто воспроизводится ошибкой острія, но умножается и возрастаетъ въ неопредѣленной степени, такъ что градусъ отклоненія острія всегда значительно больше градуса ошибочности основанія, ибо множится на нѣкую положительную, хотя и неопредѣленную величину. Эта величина тѣмъ больше, чѣмъ дальше отстоитъ остріе отъ основанія, т.-е. чѣмъ длиннѣе цѣпь индуктивнаго разсужденія, съ увеличеніемъ которой возрастаетъ не только предвзятость механически-количественнаго истолкованія показаній внѣшнихъ чувствъ, но и специфическіе дефекты индукціи въ чисто-логическомъ отношеніи.

Чтобы обрисовать эти дефекты, намъ достаточно указать въ краткихъ словахъ на результатъ замѣчательнаго анализа индукціи съ формально-логической стороны, сдѣланнаго Стенли Джевономъ¹⁾. Сущность „теоріи“ Джевонса сводится къ слѣдующему: индукція въ логическомъ отношеніи вторичнѣе и потому сложнѣе, чѣмъ дедукція. Индукція, если ее разсматривать съ абсолютною строгостью, есть ничто иное, какъ *обратная дедукція*. Всякое разсужденіе состоитъ изъ сужденій, сужденія же—изъ терминовъ. Различныя виды сужденій суть различныя сопоставленія терминовъ, производимыя по основнымъ „законамъ мышленія“. Дедуктивное разсужденіе состоитъ изъ цѣпи сужденій, строеніе которой тѣмъ сложнѣе, чѣмъ больше самостоятельныхъ и раздѣльныхъ терминовъ входитъ въ сужденія. Число возможныхъ комбинацій растетъ, увеличиваясь вдвое съ каждымъ новымъ терминомъ. Такъ, при двухъ терминахъ, возможныхъ комбинацій 4, при трехъ 8, при четырехъ 16, при семи 128. Таблицу возможныхъ комбинацій Джевономъ называетъ *логическимъ алфавитомъ*. „Съ теоретической точки зрѣнія мы можемъ представить себѣ, что логическій алфавитъ простирается въ *безконечность*. Каждое *новое качество* или обстоятельство, могущее относиться къ предмету, подраздѣляетъ каждую комбинацію или классъ, такъ что число такихъ комбинацій, если оно не ограничено логическими условіями,

¹⁾ Въ трактатѣ *Основы науки*. Всѣ дальнѣйшія ссылки дѣлаются на это сочиненіе. Толковое популярное изложеніе логическихъ взглядовъ Джевонса см. у *Ляра*. Англійскіе реформаторы логики въ XIX ст. СПб. 1897.

выражается *безконечно высокою* степенью двухъ“. Мы видѣли выше, что кромѣ механически-количественнаго расширенія показаній внѣшнихъ чувствъ, которыми устанавливаются всѣ термины естественно-научнаго познанія, возможно еще и органически-качественное углубленіе ихъ, которое можетъ быть источникомъ *безконечнаго открытія новыхъ качествъ*¹⁾. Въ такомъ случаѣ—процессъ естественно-научнаго разсужденія долженъ былъ бы *in actu* стать безконечно сложнымъ и то, что Джевонсъ называетъ „теоретической“, т. е. возможной точкой зрѣнія, должно было бы стать научной реальностью и тѣмъ самымъ совершенно уничтожить теоретическую цѣнность не сложныхъ и не качественныхъ разсужденій того естествознанія, которое сложилось въ Новое время.*

Но процессъ дедуктивнаго разсужденія, при всей своей сложности, простъ и легокъ въ сравненіи съ формальнымъ строеніемъ *индуктивнаго* разсужденія. Положеніе: „индукція есть операція обратная относительно дедукціи и не можетъ быть представлена существующею безъ соотвѣтствующей ей операціи“ таитъ въ себѣ множитель на новую и чрезвычайно огромную сложность. „Вмѣсто легкаго сравнительно дѣла—найти слѣдствія, вытекающія изъ даннаго закона, мы должны отыскивать законы по даннымъ слѣдствіямъ“. Различіе столь важно, правильно замѣчаетъ Джевонсъ, что необходимо на немъ остановиться. „Есть много случаевъ, въ которыхъ мы можемъ легко и безошибочно *сдѣлать* извѣстную вещь, но намъ стоитъ большого труда *раздѣлать* ее. Человѣкъ можетъ свободно ходить по самому запутанному лабиринту или по длиннымъ катакомбамъ и направляться по своему желанію сюда и туда; но трудности и сомнѣнія начинаются тотчасъ же, какъ только онъ пожелаетъ воротиться назадъ. При входѣ онъ могъ пойти по любому направленію, но во время выхода онъ долженъ выбирать извѣстныя опредѣленныя направленія и при этомъ выборѣ или долженъ полагаться на свою память, указывающую тотъ путь, который онъ входилъ, или же *перепробовать всѣ возможные пути*“. „Если даны два числа то мы простымъ и безошибочно

¹⁾ Эта возможность съ большей наглядностью и съ меньшей глубиной осуществляется въ *искусствѣ*,—съ меньшей наглядностью и съ большей глубиной въ *религіи*.

бочнымъ процессомъ можемъ получить ихъ произведеніе; но совершенно иное дѣло, когда намъ дано какое-нибудь большое число и требуется найти его производителей. Можетъ ли читатель сказать, отъ помноженія какихъ двухъ чиселъ получается въ произведеніи число 8,616,460,799? Я думаю, что едва ли кто-нибудь кромѣ меня узнаеть когда-нибудь эти числа; потому что это два большія первоначальныя или простыя числа и ихъ можно найти только перепробовавши послѣдовательно длинный рядъ первоначальныхъ дѣлителей, чтобы случайно напасть на настоящаго. Даже хорошій счетчикъ долженъ будетъ употребить на это нѣсколько недѣль работы, а мнѣ помноженіе этихъ двухъ производителей стоило нѣсколькихъ минутъ". „Дифференцірованіе, прямое дѣйствіе, можетъ быть всегда произведено при помощи опредѣленныхъ правилъ; но такъ какъ эти правила даютъ значительное разнообразіе результатовъ, то обратное дѣйствіе интегрированія представляетъ громадныя трудности и въ огромномъ большинствѣ случаевъ превосходитъ настоящіе ресурсы математиковъ". Джевонсъ находитъ еще болѣе сильное сравненіе, „Всякій можетъ изобрѣсти секретный языкъ и при небольшомъ трудѣ можетъ перевести на этотъ языкъ самое длинное письмо. Но совсѣмъ иное дѣло дешифровать это письмо, не имѣя ключа къ принятымъ знакамъ. Такъ какъ возможные способы секретнаго письма *безконечны по числу* и чрезвычайно разнообразны по роду, то нѣтъ прямого способа раскрытія ихъ. Единственнымъ ресурсомъ остается постоянное пробованіе, *болѣе или менѣе* руководимое знаніемъ обычныхъ формъ шифрованія и основывающееся единственно на принципахъ *вѣроятности* и на логической индукціи". На этомъ сильномъ сравненіи покоится новое опредѣленіе индукціи; „*Индукція есть дешифрованіе скрытаго значенія естественныхъ явленій. Даны явленія, совершающіяся въ извѣстныхъ опредѣленныхъ комбинаціяхъ, и требуется открыть законы, управляющіе этими комбинаціями. Если предполагаются какіе-нибудь законы, то мы можемъ легко и съ увѣренностью рѣшить, дѣйствительно ли явленія слѣдуютъ этимъ законамъ. Но могущіе существовать законы безконечны по своему разнообразію, такъ что слишкомъ много шансовъ противъ возможности отгадать ихъ наудачу. Трудность еще болѣе увеличивается оттого,*

что обыкновенно дѣйствуютъ одновременно многіе законы и дѣйствія ихъ переплетаются между собой“. „Какимъ бы способомъ ни дѣлалось открытіе, оно всегда должно совершаться посредствомъ болѣе или менѣе сознательнаго примѣненія прямого процесса дедукціи“. Если бы индуктивное разсужденіе захотѣли бы сдѣлать дѣйствительно строгимъ, т. е. по истинѣ логичнымъ, вужно было бы принципъ индуктивнаго дешифрированія построить на разсмотрѣніи абсолютно *всѣхъ* возможныхъ комбинацій неопредѣленно-многихъ терминовъ естественно-научнаго опыта. Что это значить,—показываютъ слѣдующія краснорѣчивыя цифры. Если при прямомъ дедуктивномъ разсужденіи изъ четырехъ терминовъ число возможныхъ комбинацій равно 16,—то при разсужденіи обратно-индуктивномъ число возможныхъ выборовъ равно 2^{16} или 65,536. При чемъ съ введеніемъ новыхъ терминовъ число возможныхъ выборовъ комбинацій растетъ съ устрашающей быстротой. Такъ, при пяти терминахъ получается цифра 4,294,967,296, а при шести—*двадцатизначное* число. А такъ какъ въ природѣ, взятой въ ея безмѣрной совокупности, не 6 терминовъ и даже не 666, а неопредѣленное и неопредѣлимое множество—то число возможныхъ индуктивно-обратныхъ выборовъ комбинацій становится превосходящимъ всякое даже математическое воображеніе. Другими словами, *единственно-логическій* видъ строгой индукціи, которую Джевонсъ называетъ *совершенной*, опознается, какъ фактически недоступный для естественно-научной мысли, какъ совершенно не осуществимый ею практически. Для естественно-научной мысли остается лишь индукція *несовершенная*, приближительная и гадательная, логическая недостаточность которой тѣмъ вопіющѣе, чѣмъ дальше она отстоитъ отъ идеала научной индукціи — индукціи *совершенной*. Но результатъ подобной индукціи *„всегда имѣетъ гипотетическій характеръ и никогда не бываетъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ“*. Такимъ образомъ принципиально-доктринаскій характеръ имѣетъ не только наблюденіе, но и экспериментъ, который базируется на основаніи явно колеблющемся и совершенно несоотвѣтствующемъ непроницаемой сложности жизни природы.

Съ нашей качественной точки зрѣнія къ этому мы еще можемъ прибавить слѣдующее: замѣчательное опредѣленіе Джевонса: *„Индукція есть дешифрированіе скрытаго значенія*

естественныхъ явленій“ , вскрываетъ наивный догматизмъ естествознанія и съ другой стороны. Механическое естествознаніе, съ самаго перваго момента своего зарожденія въ Новое время, почему-то рѣшило, что оно знаетъ интимный языкъ природы, что ему извѣстенъ въ силу какой-то счастливой случайности таинственнѣйшій и непостижимѣйшій принципъ природнаго шифра. У Галилея мы находимъ кристаллически-ясное выраженіе этого чудовищно - огромнаго притязанія. „Философія, говоритъ онъ откровенно, написана въ той величайшей Книгѣ, которая непрерывно открыта передъ нашими глазами, т.-е. во Вселенной, но и нельзя понять если раньше не овладѣть ея языкомъ и не узнать буквъ, которыми она написана. Она написана на математическомъ языкѣ и ея буквы суть треугольники, круги, и другія геометрическія фигуры, безъ посредства которыхъ невозможно понять ни одного слова. Безъ нихъ мы осуждены двигаться бесплодно по темному лабиринту“ ¹⁾. На этой догматической разгадкѣ природнаго шифра покоится все естествознаніе Новаго времени. Мы не можемъ найти достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое удивленіе: „Она написана на математическомъ языкѣ“... Но кто сказалъ это Галилею? Откуда это мистическое прозрѣніе, это сектантское наитіе? Въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ вѣковъ для до-христіанскаго религіознаго сознанія человѣчества величайшая книга Вселенная была написана поэтическимъ языкомъ мифа и буквами служили образы, символы и качественно - художественныя манифестаціи и энергіи священнаго слова; въ продолженіи другихъ десятковъ вѣковъ природа была опознана какъ написанное Откровеніе второго Лица Пресвятой Троицы, т.-е. божественнаго Слова и это Откровеніе православнѣйшимъ отцомъ Церкви св. Максимомъ Исповѣдникомъ считается равноправнымъ Откровенію писанному,—при чемъ алфавитъ древняго символично-поэтическаго пониманія природы былъ обогащенъ новыми динамическими терминми очищенія воли и сердца, вслѣдствіе чего съ христіанствомъ стало возможно усвоеніе послѣднихъ таинъ природной жизни, которое немислимо было для оптичности. Обрасывая тысячелѣтнія „опытные“ принципы дешифрированіе скрытаго языка природы, Галилей не могъ даже выставить чего-нибудь абсолютно новаго, что хотя бы отчасти оправдало находженіе „но-

вой физики“. Принципъ числа и мѣры былъ не только достигнуть религіозной интуиціей евреевъ, но и философски разработанъ съ необычайной интенсивностью умозрѣнія у двухъ величайшихъ мыслителей Греціи: у Пифагора и Платона. Поэтому новымъ въ Галилеевскомъ нововведеніи было лишь та предвзятость, съ которою принципу числа и мѣры былъ приданъ исключительно узкій и отвлеченный смыслъ механическаго значенія. Въ составѣ буквъ, при помощи которыхъ читалась Книга Вселенной, Галилеемъ вычеркнутъ, во первыхъ, всѣ динамическіе знаки специфически-христіанской части алфавита, во-вторыхъ вся безмѣрность качественнаго символично-религіознаго богатства поэтическихъ терминовъ,— и оставлено лишь скудное число знаковъ числовыхъ и геометрическихъ. Оставляя въ сторонѣ матеріальную нелѣпость этой реформы, съ которой начинается исторія „новой науки“ въ Европѣ (объ этомъ мы пространно будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ) мы можемъ констатировать, что съ чисто *формальной* точки зрѣнія это провозглашеніе новыхъ принциповъ дешифрированія—является абсолютно необоснованнымъ, максимально гипотетическимъ. Автомъ чистаго произвола здѣсь устанавливаются верховные принципы новаго естествознанія. Но *почему* Книга вселенной написана на языкѣ отвлеченно-математическомъ? Слѣдуетъ ли это изъ какихъ-нибудь апріорныхъ принциповъ? Аксіома ли это разума? Можно ли какими-нибудь путями доказать это основоположеніе? Увы! основоположенія не доказываются, ибо на нихъ зиждутся всѣ доказательства. Они должны быть *очевидными* сами по себѣ, логически *должны* себѣ. Но что же очевиднаго въ Галилеевскомъ основоположеніи? Устраняя богатѣйшіе античные и христіанскіе принципы дешифрированія природы, Галилей былъ далекъ даже отъ мысли какъ-нибудь осмыслить, философски и религіозно обосновать это устраненіе. Галилей въ данномъ случаѣ повиновался „духу времени“, какой то коллективной рѣшимости новаго человечества порвать съ прошлымъ и двинуться къ новому и неизвѣданному. Произошелъ сдвигъ, но корни этого сдвига абсолютно ирраціональны. О какомъ-нибудь логическомъ оправданіи, хотя бы и непрямомъ, никто не заботился, такъ такъ не было никакой потребности въ этомъ. Вотъ почему съ точки зрѣнія строго-логической, которую съ

такой отчетливостью устанавливаетъ Девонсъ въ своемъ анализѣ формальной структуры индуктивнаго рассужденія, основоположеніе Галилея о языкѣ природы представляется чудовищно-произвольнымъ. Чтобы изъ *безконечныхъ* возможностей неохватимыхъ мыслью и неисчислимо-разнообразныхъ шифровъ, которымъ могла бы быть написана книга Вселенной,—выбрать одинъ и, уничтожая имъ всѣ другіе возможные способы истолкованія, съ упорною догматичностью его *абсолютизировать*—для этого нужно было какое-то особое *логическое безпамятство*, массовый историческій оппортунизмъ мысли, коллективно-всеобщее забвеніе безмѣрности божественнаго Логоса. Съ этого времени въ Европѣ начинается долгій періодъ тиранническаго господства естественно-научнаго „миѣнія“, повального увлеченія „доксой“, возведенной въ систему и догматъ—и царство новой философіи, рабски ориентирующей на всѣмъ признанномъ заблужденіи, ставшемъ къ тому же основнымъ двигателемъ новой „цивилизованной“ жизни.

4. „Протонъ - псевдосъ“ механистическаго естествознанія.

Противъ только что сдѣланнаго утвержденія можетъ быть сдѣлано лишь одно сильное возраженіе. Это ссылка на тотъ фактъ, который обыкновенно приводится какъ *ultima ratio* во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Говоря грубо и обыденно, несокрушимой „крѣпостью“ и оплотомъ новѣйшаго естествознанія считаются его поразительные „успѣхи“, необыкновенное процвѣтаніе и развитіе всей совокупности естественно-научныхъ дисциплинъ. Говоря „методически“, всѣ возраженія противъ несовершенства и спорности индуктивнаго метода „устраиваются“ фактомъ необъяснимой *плодотворности* этого метода. Это какая-то волшебная палочка, которой зачарованно повинуется природа. Какъ только ее открыли и научились владѣть ей. — началась эра баснословныхъ открытій, непрерывно и баснословно возрастающихъ. У природы исторгаютъ одинъ секретъ за другимъ, и тамъ, гдѣ было такъ бѣдно въ античныя и средневѣковыя времена—теперь неисчислимыя богатства, цѣлыя груды че-

ловѣкомъ найденныхъ драгоценностей. Говоря серьезно-философски, естественныя науки со своими „успѣхами вопреки логикѣ“—ставятъ серьезный и глубокий вопросъ о какой то „взаимности“ между природой и человѣкомъ, постигнутой въ Новое время, о какой-то таинственной ихъ *предустановленности*. Чудесный фактъ точнаго астрономическаго предвидѣнія за сотни и тысячи лѣтъ, еще болѣе замѣчательный фактъ априорнаго вычисленія необходимости неизвѣстныхъ небесныхъ тѣлъ и апостериорнаго ихъ нахожденія говоритъ опредѣленно о какой-то изумительной согласованности между порядкомъ и строемъ вещей (Спинозовское *ordo rerum*) и порядкомъ и строемъ человѣческаго разума (Спинозовское *ordo idearum*). Пораженный этой согласованностью, Кантъ базировалъ на ней всю свою философію и для объясненія ея создалъ теорію законодательствующаго разума, разума *предписывающаго* природѣ свои законы. Это всеобщее признаніе какъ будто бы безспорнаго факта можетъ послужить самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ нашей критики Галилеевскаго основоположенія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы достиженіе Галилея (пусть не могущаго быть обоснованнымъ логически) не было *истиннымъ*, то откуда же это настойчивое и все растущее оправданіе его правильности во всѣхъ сферахъ естественно-научнаго опыта? Съ каждымъ новымъ успѣхомъ индуктивнаго метода (а успѣхи эти множатся безъ конца и предѣла) подтверждается вѣрность гипотезы Галилея о „языкѣ природы“ и съ каждымъ новымъ днемъ жизни науки растетъ вѣроятіе объективно-онтологическаго смысла этой гипотезы и становится совершенно невѣроятной мыслью о природѣ, говорящей *инымъ* языкомъ. Таково всеобщее убѣжденіе научнаго и философскаго сознанія послѣднихъ вѣковъ. Но такъ ли это?

Находятся ли въ дѣйствительно-логической связи успѣхи естествознанія съ Галилеевскимъ основоположеніемъ, и безспорность первыхъ уменьшаетъ ли хоть въ какой-нибудь степени спорность и чистую гипотетичность второго? Другимъ словами, необычайная „плодотворность“ механистической точки зрѣнія, какъ рабочей гипотезы и какъ предпосылки индуктивнаго метода, означаетъ ли хоть въ какомъ-нибудь смыслѣ дѣйствительно-механическую конструкцію Вселенной? Къ наивности „всеобщаго убѣжденія“ прихо-

дится отнести непоколебимую увѣренность въ неразрывной связи между „выводомъ“ и „посылками“ и наша критика должна направиться именно на этотъ пунктъ.

Увѣренность въ логической связи между успѣхами механистическаго естествознанія и заключеніемъ къ Вселенной-Механизму покоится на какъ будто очевидной *единственности* этого хода мысли. Чтобы разрушить эту иллюзію единственности, достаточно наглядно показать, что *возможно* совершенно иное истолкованіе „успѣховъ естествознанія“, и истолкованіе строго-метафизическое, вытекающее изъ верховныхъ и основныхъ принциповъ философіи. И хотя для насъ это истолкованіе—сухая и очевидная истина,—мы для строгости изложенія будемъ пока говорить объ ней, какъ о *возможности*, и будемъ излагать ее *sub specie* логическаго вѣроятія.

Заключеніе „успѣховъ“ механистической точки зрѣнія къ Вселенной-Механизму—прежде всего поражаетъ необыкновенной скудостью метафизическаго воображенія, вообще характеризующей новую философскую мысль. Берется наобумъ понятіе механизма, метафизически бессмысленное, полное внутреннихъ противорѣчій, и возводится въ принципъ объясненія только потому, что въ воображеніи философовъ новаго времени совершенно отсутствуютъ всѣ понятія высшаго порядка, гораздо болѣе подходящія для объясненія. Высшее же отсутствуетъ только потому, что надъ волей новаго человечества возобладало исключительное господство понятій низшихъ, причемъ господство это настолько сильно и фатально, что съ совершенно исключительной непослѣдовательностью новая философская мысль, во имя „свободы“ провозглашая отрывъ отъ тысячелѣтнихъ духовныхъ устоевъ жизни, съ самаго зарожденія своего (т. е. съ Галилея и Декарта) бросается въ объятія Механизма—понятія абсолютно исключающаго какую бы-то ни было свободу. О свободѣ мы заговорили не случайно, ибо съ понятіемъ свободы связано наше истолкованіе „успѣховъ“ естествознанія. Мы попадемъ въ самый центръ истолкованія, если зададимъ слѣдующій простой вопросъ: *мыслима ли свобода человѣческая безъ той космической сферы, въ которой она можетъ прилагаться?* Мыслимо ли быть свободнымъ, не имѣя возможности ни въ какомъ актѣ *проявить* свою свободу? Представимъ себѣ Все-

ленную, въ которой бы были отрѣзаны всѣ космическіе пути для осуществленія того коллективнаго бунта человѣчества противъ божественнаго Замысла всемірной Исторіи, которымъ характеризуется Новое время. Что бы получилось? Всѣ духовныя энергіи человѣчества были бы скованы и связаны. Силы, свободному состязанію которыхъ ввѣрены судьбы Исторіи, были бы обречены на неподвижность. И трагедія всемірной Исторіи, даже при наличности возможныхъ зрителей и актеровъ, стала бы не мыслимой за отсутствіемъ *сцены*. Если то относительное постоянство законовъ природы, о которомъ говорить съ настойчивостью естествознаніе, съ метафизической точки зрѣнія есть необходимое *условіе* для *длительности* историческаго процесса, вызываемой наличностью *свободы* человѣческой,—или говоря проще, если относительное постоянство законовъ природы раскидываетъ передъ сорвавшимся въ безмѣрныя сферы временности человѣчествомъ крѣпкій исторически-устойчивый Стадій тѣхъ размѣровъ и той обширности, въ которыхъ всѣ противоборствующія стихіи, раздирающія человѣчество и Космосъ, могли бы выявиться на полной свободѣ и исчерпать и погасить свою вражду во взаимной борьбѣ,—то съ той же самой необходимостью мысли приходится допустить, что этотъ вселенскій Стадій долженъ имѣть какой-то безграничный скатъ въ *полную богооставленность*, чтобы человѣчество могло свободно изжить всю мѣру всего самоутвержденія и быть видимо предоставленнымъ на цѣлыя вѣка своимъ собственнымъ устремленіямъ и своимъ собственнымъ рѣшеніямъ.

Эта простая и очевидная метафизическая мысль открываетъ возможность въ терминахъ свободы и духа и толковать весь новый періодъ европейской исторіи, отрекшійся и отъ духа и отъ свободы, и изобличить призрачность основного и господствующаго въ этомъ періодѣ понятія—механизма. Въ самомъ дѣлѣ *безграничный скатъ въ полную богооставленность и богонезависимость* возможенъ лишь при условіи, что для пробѣгающихъ Стадій и борящихся на немъ людей не только нѣтъ принудительности Бога и Его правды, но даже есть возможность со всей видимостью разумныхъ оснований совершенно отказаться отъ Бога, и это не только въ планѣ ментальномъ или эмоціональномъ, но и въ планѣ *реальномъ*, ибо только съ возможностью самоутвержденія въ

планъ *реальному* можетъ быть дана полная игра проявленію неизбывной и безконечной волѣ человѣческой. „Видимость же разумныхъ основаній“ есть логическая возможность *истолковать все мірозданіе механистическаго* и тѣмъ окончательно перенести центръ устремленій изъ воли божественной, которая становится призракомъ, въ волю человѣческую, которая становится всей реальностью и единственной реальностью. Понятіе механизма здѣсь необходимо, ибо необходимо отрицательное понятіе *бездушности* всей космической сферы. При наличности Бога — въ сознаніи человѣческомъ есть *другое* и другое слишкомъ огромное и слишкомъ подавляющее, чтобы своеволие отпадшаго человѣчества могло чувствовать себя свободнымъ и утверждать себя по своему произволу. Это „другое“ становится меньшимъ и не столь стѣснительнымъ въ пантеистической концепціи міра, свойственной всему внѣ-іудейскому и внѣ-христіанскому религиозному сознанію.—но и эта минимальная доза божественнаго должна была оказаться непримиримой съ абсолютнымъ своеволіемъ и абсолютно-гуманистическимъ самоутвержденіемъ новаго человѣчества. Чтобы человѣкъ почувствовалъ себя совсѣмъ свободнымъ и совсѣмъ самимъ собой и могъ проявить всѣ свои своевольные замыслы и изжить весь свой бунтующій хаосъ,—для этого необходимо было, чтобы въ Космосѣ, среди другихъ безпредѣльныхъ потенцій, были заложены и опредѣленія для реального осуществленія этой возможности. Для того, чтобы „новый человѣкъ“ имѣлъ время и возможность пройти отраднѣй и трагическій путь своеволия, необходимо было, чтобы онъ не очутился лицомъ къ лицу съ карающимъ Богомъ или съ бушующимъ гнѣвомъ материнскихъ стихій Природы, необходимо, чтобы долготерпѣніе Божіе проявилось съ наибольшею силою, а Природа показала наибольшую кротость, съ материнскою благостностью разрѣшая не только провозгласить свою смерть, но и терпѣливо переносить мнимую, крикливую, реально-несуществующую *власть* надъ собою своихъ взбушевавшихся недалекихъ и злыхъ дѣтей. Природа, которая можетъ тысячько способами въ одинъ моментъ, однимъ движеніемъ своихъ страшныхъ стихій, снести съ лица земли безслѣдно и навсегда все человѣческое, должна терпѣливо—во имя какого-то высшаго начала сносить всѣ надругательства возгордив-

шагоя человѣчества, и тайна этого чудеснаго терпѣнія и чудесной кротости—*въ свободѣ*.

Художница творенія—Премудрость Божія, созидая безпредѣльность Космоса, должна была принять во вниманіе всю безпредѣльность *свободы человѣческой*—этого высшаго дара божественной щедрости,—этого высшаго свидѣтельства объ образѣ и подобіи Божиёмъ въ первосозданномъ человѣкѣ. Совѣтъ Божій, предшествовавшій творенію, долженъ былъ предусмотрѣть всѣ грядущія судьбы человѣчества и въ опредѣленный эонъ всемірной Исторіи дать космическую возможность падшему человѣчеству изжить до конца свое своеволие. Природа должна была *позволить* вынудить у себя свои секреты, должна была допустить завладѣть своими силами. Пусть эти секреты и силы совершенно ничтожны передъ безпредѣльностью другихъ тайнъ и силъ природы—но для ослѣпленнаго человѣчества они должны были представиться безконечными и уходящими въ безмѣрную даль. Въ природѣ должны были быть отъ вѣка заложены *всѣ изобрѣтенія и открытія новаго времени*, сдѣланныя и имѣющія быть сдѣланными, какъ возможное орудіе человѣческаго самоутвержденія. Вся европейская техника и индустрія, черезъ которыя отрывъ отъ природы становится силой соціальной и исторической—есть ничтожное, какъ уступленная Промысломъ космическая среда, въ которой человѣкъ можетъ реализовать свое блудное ухищленіе отъ отца. Ибо еслибъ человѣкъ *не могъ бы* (при другой конструкціи Вселенной) изобрѣтать машинъ и орудій и заставлялъ служить себѣ стихіи, еслибъ человѣкъ не былъ въ состояніи почти безпредѣльно умножить тѣ мнимыя *богатства*, которыми полна сейчасъ Америка и Европа, словомъ, еслибъ человѣку ни дана была возможность космически выявить и отложить объективно, въ мірѣ вещей, *внѣ себя* свое своеволие—тогда бы умопостигаемый актъ человѣческой воли не могъ бы реализоваться въ исторіи, другими словами тогда бы Исторія не могла бы быть осуществлена, ибо безъ свободы человѣческой невозможно Исторія, какъ длительное явленіе, такъ какъ при отсутствіи свободы человѣческой и при наличности всемогущества Божьяго не могло бы быть нашего времени, растянутость котораго была бы совершенно излишней для Бога.

Но Премудрость Божія, созидая міръ, въ которой свободѣ надлежало найти безусловное мѣсто, должна была предусмотрѣть не только возможность *материально* реализовать своеволие и уходъ челоуѣчества, но и возможность духовно „оправдывать“ этотъ безумный актъ. Вѣдь если бы своеволие челоуѣка было абсолютно очевидно и самопомятно и осуждалось разумомъ, напр., съ такой принудительной силой, съ какой осуждается ошибка при помноженіи двухъ на два или ошибка при рѣшеніи простыхъ геометрическихъ задачъ — тогда бы передъ сознаниемъ челоуѣческимъ было бы воздвигнуто такое духовное препятствіе, которое бы сдѣлало немислимымъ использовать возможность материальной реализаціи отпаденія. Чтобъ космическія возможности реализовать свое своеволие могли предоставлять подлинный *просторъ* для челоуѣчества, нужно было, чтобъ челоуѣчество обладало *просторомъ интеллектуальнымъ*, т. е. чтобы въ ментальномъ планѣ челоуѣка былъ бывозможенъ аналогъ космическихъ возможностей отпаденія, чтобы предъ умственнымъ взоромъ челоуѣчества съ его безконечностью раскидывались дали безмѣрныя не только въ Богѣ, но и безмѣрныя *дали. внѣ Бога*, ибо иначе въ психикѣ челоуѣчества не могла бы быть постоянно наличной возможность *двухъ* путей, пути добра и зла, пути къ Богу и пути отъ Бога. Пусть признакъ *метафизической* подлинности, бытійности и истинности относится только къ первому пути и къ первымъ далямъ, но лишь при наличности эмпирической реальности пути второго и далей вторыхъ возможно *свободное* искупленіе челоуѣчества, т. е. исторія въ подлинно-божественномъ смыслѣ слова. Но психическая наличность двухъ путей и двухъ космическихъ далей, съ самаго начала исторіи присущая челоуѣчеству, — во всѣ эпохи предшествующія новому времени, была используема преимущественно въ сферѣ божественнаго, въ сферѣ Сущаго, и своевольное устремленіе въ дали меонистическія, т. е. метафизически-несуществующія, была всегда явленіемъ чистымъ и недоходящимъ до умопостигаемой *глуби* момента *исторіи*. Съ отрывомъ отъ природы какъ Сущаго и связаннымъ съ этимъ абсолютно-гуманистическимъ самоутвержденіемъ новаго челоуѣка происходитъ катастрофическій сдвигъ въ самыхъ глубяхъ исторіи. Челоуѣчество, если можно такъ выразиться, не „акцидентально“, какъ

раньше, а почти субстанциально всей своей западной половиной вступает на путь противления сущей Истинѣ, и съ этого момента начинается торжество механистической точки зрѣнія. То, что въ древности выраженное съ классической простотою и пластичностью системы Левкиппа и Демокрита, прельщало небольшія группы интеллигентовъ и отметалось какъ высшими носителями философскаго Логоса, такъ и народными массами, проникнутыми еще не изжитой религіозностью,—то, что въ средніе вѣка могло быть абсолютнымъ и единичнымъ исключеніемъ, то въ новое время становится исторической силой, явленіемъ глубоко социальнымъ, коллективно пребывающимъ и все разрастающимся. Тотъ аналогъ космическихъ возможностей отпаденія, о которомъ мы говорили выше, становится моментомъ чрезвычайной, всемірно-исторической важности, ибо пришло время использовать до конца путь отъ Бога, и изжить до конца прельщающія дали внѣ-Бога.

Механистическая точка зрѣнія, открывающая возможность историческихъ пространствъ для человѣчества, устремившагося въ эти дали внѣ-Бога, естественно становится палладіумомъ гуманистическаго процесса, ибо въ ней новый человекъ находитъ умственные просторы для своихъ основныхъ устремленій—иллюзію абсолютной автономіи въ ментальномъ планѣ, и потому эта точка зрѣнія не только проникаетъ въ сопokuпность естественно-научныхъ представлений о мірѣ, но и становится скрытой основой историческихъ и социологическихъ представлений о ходѣ всемірной исторіи, каковыя въ практической сферѣ къ концу XVIII ст. отливаются въ абсолютно-гуманистическую форму—„Декларацию правъ человека“. Еслибъ механистическая точка зрѣнія была простой выдумкой, весь періодъ новой исторіи былъ бы невозможенъ, ибо человѣчеству во всѣхъ своихъ устремленіяхъ пришлось бы наткаться на стѣну, итти явно противъ рожна, бѣлое называть чернымъ и черное бѣлымъ. По закону метафизическаго эха, о которомъ мы говорили въ первой части, на основной зовъ новой исторіи вселенная должна была отвѣтить соответствующимъ эхомъ, — раскинуться подъ сознаніемъ человека бездушно-безжалостнымъ призракомъ механизма и иллюзія, которую возжелалъ человекъ, должна была стать, говоря по-Кантовски—*объективной*:

т.-е. потенциально всеобщей. Умники новаго времени свои механистическія фантазмы спокойно приписывали мудрости Божіей, представляя Бога во образѣ швейцарскаго Часовщика, Который сдѣлалъ часы размѣрами во всю Вселенную съ хитрой пружинкой предустановленной гармоніи, и въ наивности восторгались божественной глубиной своихъ иллюзій, совершенно не подозрѣвая, что не безпредѣльный разумъ Божій можетъ быть моментомъ часовщицеской концепціи Космоса, а лишь иллюзія механистичности можетъ быть моментомъ божественнаго замысла о мірѣ. Поистинѣ безпредѣльнымъ и достойнымъ безмѣрнаго удивленія намъ представляется разумъ божественный не потому, что вселенная имѣетъ конструкцію безконечно-сложнаго механизма, а потому, что вселенная, будучи божественной поэмой и ничего общаго не имѣющей въ онтологическомъ порядкѣ съ механизмомъ,—обладаетъ въ своей неизмѣримой многосторонности тою *пластичностью* и тою *отзвучностью*, которая позволяетъ Космосу въ опредѣленный зонъ исторіи *обернуться механизмомъ, прикинуться безпредѣльной машиной* и сдѣлать это съ такой артистичностью, что разумъ человѣческій, находящійся подъ властью низшихъ понятій и разсужденій, подъ схемой механизма, не можетъ ни въ одномъ пунктѣ найти перерыва и выйти изъ замкнутой сферы мертвой причинности. Ученые и философы новаго времени, „вымѣривъ“ и „вычисливъ“ мірозданіе, безъ всякаго права поставили знакъ равенства между мѣрой своей и мѣрой божественной, думая съ наивностью, что ихъ вычисленіе имѣетъ объектомъ Число Божіе и совершенно не подозрѣвая, что Число божественное и Мѣра божественная могутъ ничего общаго не имѣть съ мѣрами астрономическими и числами математическими, ибо объектомъ безмѣрно-непроницаемаго божественнаго „вычисленія“, реализованнаго въ Космосѣ, можетъ быть не численныя отношенія, открываемыя естественными науками въ физической *moles mundi*, а сверхчувственная „гармонія сферъ“, отзвуки которой слышали Пифагоръ, Платонъ, Данте, или безмѣрная цѣльность „внутренняго“, „метафизическаго“ человѣка, котораго русскій чудакъ XVIII столѣтія провозгласилъ *единицей мѣры* въ философіи. Въ такомъ случаѣ, объектомъ божественнаго вычисленія была бы не „математическая основа естествознанія“, какъ

таковая (она постигнута въ новое время и было бы недостойно и почти богохульственно *ограничивать* ею безмѣрную мудрость Божию), а такое строеніе міра,—въ непроницаемыхъ глубинахъ котораго была бы заложена возможность вселенской *механистической маски*, т.-е. возможность для міра предстать передъ насильственными методами рационалистической мысли человѣка—безпредѣльнымъ механизмомъ, такъ что все естествознаніе при этомъ допущеніи можетъ изслѣдовать не строеніе міра, какъ такового, что совершенно недоступно благодаря доксихескому характеру его основныхъ принциповъ, а лишь сложное и невѣроятно искусное строеніе *вселенской маски*. Эта маска есть условіе свободы человѣческой, ибо еслибъ была невозможна маска, еслибъ Космосъ вѣчно былъ полонъ тѣхъ теогоническихъ и мистическихъ силъ, которыми полна античность и средневѣковье—свободѣ человѣческой негдѣ было бы выявиться и изжить до конца свое своеволіе; съ другой стороны, еслибъ механическое строеніе не было только маской, а дѣйствительно характеризовало бы Космосъ, все бы было занято строгимъ детерминизмомъ, психофизическимъ автоматизмомъ, и свобода человѣческая не просто стѣснялась, какъ въ первомъ случаѣ, а въ корнѣ и абсолютно отрицалась бы. Итакъ, человѣку, чтобъ реализовать своеволіе (а безъ возможности своеволія нѣтъ свободы), нужно имѣть передъ собой свободныя отъ Бога психическія и космическія пространства, и этотъ необходимый просторъ онъ находитъ въ механистической точкѣ зрѣнія. Божественная Премудрость должна была вложить въ міръ возможность *стать для человѣка безпредѣльнымъ механизмомъ*, т.-е., не будучи механизмомъ—*казаться имъ*, и это quasi-механическое строеніе міра должно было быть столь безпредѣльно-искуснымъ и столь безпредѣльно-хитрымъ, чтобъ человѣкъ со всѣми потенціями своего бунтующаго и рационалистически-опредѣлившагося разума не могъ бы насильственно выйти за предѣлы маски и такъ, сказавъ, „научно“, т.-е. виѣшне и принудительно убѣдиться въ своемъ заблужденіи.

Это истолкованіе „механизма“ радикально въ двухъ отношеніяхъ. Оно, во-первыхъ, признаетъ иллюзію механистичности въ полной мѣрѣ и потому не можетъ противорѣчить ни одному изъ данныхъ ни одной изъ естественныхъ наукъ.

Всѣ „успѣхи естествознанія“ нами философски обосновываются—выводятся съ логической необходимостью изъ основныхъ началъ философіи. Мы прямо говоримъ, что эти успѣхи не только наличны въ эмпирическомъ смыслѣ слова, но что они *должны быть* и что безъ нихъ совершенно не мыслима исторія падшаго человѣчества. Но этимъ самымъ признаніемъ, наше истолкованіе глубочайшимъ образомъ *отрицаетъ* механизмъ и философски разоблачаетъ его призрачную сущность. Въ этомъ смыслѣ, наша точка зрѣнія ничего общаго не имѣетъ съ тѣми половинчатыми полупризнаніями механизма; которыми изобилуетъ современная мысль. Онтологически мы не признаемъ механизма ни въ какой степени. Его *абсолютно нѣтъ*, нѣтъ ни въ какой степени, и міръ въ своемъ существѣ абсолютно не механистиченъ. И въ то же время онъ долженъ казаться существующимъ и потому міръ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы человѣчество, возжелавшее механистичности, *провидѣло* его „объективно“, въ самой природѣ вещей, и могло „научно“ прельститься ею и устремиться въ нее всей исторіей своей.

Такимъ образомъ, единственное сильное возраженіе противъ нашей критики Галилеевскаго основоположенія о языкѣ природы, возраженіе, покоящееся на безспорныхъ „успѣхахъ“ естествознанія—само не выдерживаетъ критики, ибо „успѣхи“ естествознанія прекрасно могутъ быть истолкованы и съ абсолютно-немеханистической точки зрѣнія. Но сказать: *могутъ* быть истолкованы—мало. Нужно сказать больше: *они не могутъ быть истолкованы иначе*. Въ то время какъ принципы нашего истолкованія обладаютъ внутренней разумностью и ничего противорѣчащаго формальной логикѣ не заключаютъ,—механистическая точка зрѣнія внутренне противорѣчива и въ примѣненіи къ мысли Галилея о языкѣ Природы—элементарно бессмысленна. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли понятіе механизма въ какомъ-нибудь смыслѣ быть соединимо съ понятіемъ языка? Понятіе языка предполагаетъ двѣ вещи, кромѣ себя самого,—именно говорящаго и говоримое. И всѣ эти три момента внутренне разумны и и одухотворены. Въ какомъ же смыслѣ механистическое устройство міра съ его математическими знаками, т.-е. кругами и треугольниками вмѣсто буквъ, можетъ быть какимъ-

нибудь *языкомъ*? Прежде всего, въ понятіи механизма въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ никакого внутренняго, логически обоснованнаго *перехода* къ не-механизму, т.-е. къ началу говорящему или, по Галилею, къ Богу, Которымъ написана кѣнига: Вселенная. Точно также, нѣтъ въ понятіи механизма, взятаго въ самомъ себѣ, никакого разумнаго *смысла*, ибо механизмъ самъ по-себѣ бездушенъ и мертвъ, а разумный смыслъ не можетъ не быть *живымъ*. Другими словами, нѣтъ въ понятіи механизма и перехода къ говоримому. Но что такое языкъ безъ говорящаго и безъ говоримаго, а при томъ языкъ, который самъ въ себѣ не представляетъ онтологическаго момента и ни въ какомъ смыслѣ не живетъ? Это, конечно, не языкъ, а *нелѣпность*, совершенная атопія, которая допускается Галилеемъ лишь благодаря *двойственности* его міросозерцанія. Какъ человѣкъ большой личной религіозности, Галилей употребляетъ выраженіе, которое стоитъ въ вопіющемъ противорѣчій съ провозглашаемой имъ механистической точкой зрѣнія. При чемъ выраженіе это (Вселенная—книга) создается не Галилеемъ, какъ правильно и хотя не полно указывается Кампанеллой, а является очень слабымъ и заглушеннымъ отголоскомъ святоотеческаго ученія о природѣ, восходящаго къ ап. Павлу. Но выраженіе это Галилей употребляетъ не случайно, ибо если механизмъ — не языкъ, которымъ написана книга Вселенной,—то какъ же онъ можетъ быть *понятенъ* людямъ, т.-е. какимъ образомъ механизмъ можетъ быть познать? Если распространить понятіе механизма и на человѣка (а это неизбежно для Галилея), то какъ механизмъ можетъ познавать механизмъ? Механизмъ маленькій можетъ быть *моментомъ* механизма большаго, но это механическое соотношеніе двухъ механизмовъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо познаемъ, не играя словами и разумѣя подъ познаніемъ настоящее познаніе, т.-е. такое, которое цѣлью своей имѣетъ объективную истину. Чтобъ избѣжать этой нелѣпности, приходится прибѣгать къ понятію языка, но языкъ здѣсь послѣ огня-попымя—Галилей попадаетъ dal brogo alla padella, и если естествознаніе новаго времени всецѣло базируется на основоположеніи Галилея, то только потому, что его не жжетъ ни „огонь“ ни „попымя“ логической критики. Вѣдь естествознаніе новаго времени интересуется не истиннымъ проник-

новеніемъ въ тайны природной жизни, а вывѣдываніемъ и насильственнымъ выскребываніемъ съ периферіи природы скудныхъ „секретовъ“, которые можно было съ бумажной помпой использовать по пути всемірно-историческаго шествія въ призрочныя дали внѣ-Бога.

В. Эрнъ.
